

18+

Евгений
Крашенинников

**Магадан –
Москва,
далее
со всеми**

Евгений Крашенинников

Магадан – Москва, далее со всеми

«Издательские решения»

Крашенинников Е.

Магадан – Москва, далее со всеми / Е. Крашенинников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531247-1

Издание включает три последние книжки стихов Евгения Крашенинникова (Союз ветеранов броуновского движения) и избранные стихотворения из прежних книжек

ISBN 978-5-00-531247-1

© Крашенинников Е.
© Издательские решения

Содержание

МАГАДАН-МОСКВА, ДАЛЕЕ СО ВСЕМИ	6
ОКРУЖЕНИЕ (2020)	7
Пустые гильзы	7
Вскрытые консервы	9
Снаружи и внутри	12
ЧЕРЕСПОЛОСИЦА (2018)	15
Всходы	15
Межа	17
Васильки	21
Озимые	23
Из книги «СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ» (2016)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Магадан – Москва, далее со всеми

Евгений Крашенинников

© Евгений Крашенинников, 2021

ISBN 978-5-0053-1247-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАГАДАН-МОСКВА, ДАЛЕЕ СО ВСЕМИ

Посвящается Диме Масленникову

ОКРУЖЕНИЕ (2020)

*Стрелка торопит время.
Время торопит стрелка.
В сердце. Наверняка.
Занавес. Затемнение*

** Сочинено совместно с С.К.*

Пустые гильзы

* * *

Косит ряды здравомыслящих пандемия безумья...
Кто бы подумал, что буду писать я на злобу дня...
Две бесконечности дадут одну бесконечность в сумме...
Нечего делать Ахиллу, как лишь черепах догонять...
Жизнь удалась, и в наших подгузниках сухо...
Не обязательно на смену радости должна прийти злость...
За сколько дней рассыплется в прах дохлая муха
Пронаблюдать так мне в жизни и не удалось.

* * *

Славно выставить умного за дурака,
Пресмыкаться заставивши гордого.
Вот сослали Высоцкого под Магадан,
Хоть названием аэропорта.

В шуме шуток несвежих ширится фальшь.
Учит думать невежа учёного.
Я люблю, чтоб скрывался под снегом асфальт,
Когда белого больше, чем черного.

* * *

Мир ограничен, безбрежна душа —
Расплёскивает время,
Хочется сердце рукою сжать
И только ему верить,
Блёклые буквы параграфов смыть...

...

Шагами наполнят гулко
Внутренний дворик Лубянской тюрьмы
Вышедшие на прогулку.

* * *

Прах с подошв отрясал вслед ушедшим годам:
Кто захочет догнать – не дознаться тем.

Новый год я встречал в пяти городах,
День защиты детей – в ста семнадцати.
Километры бравад, килограммы обид,
И ночной пустоты килонолики...
Утром мир этот мыльный в пузырь превратит
Террорист за соседним столиком...

* * *

Далеко ль до старости?
Сдулся в море парусник,
Правда, в морге париться
Кашель не велит.
Предвечерний градусник —
Поводок для радости.
Но в бараке староста
Угли шевелит.

Телеслепень шастает,
Норовит с участием
Лжицею причастников
Перезаражать.
Схлопнутыми лапами
Не прибить заразного,
Будь готов к прекрасному —
Перезаряжать.

Вскрытые консервы

* * *

По срезу гладкому, по резким линиям,
По смутным контурам течёт смола.
Движенья верные, удары сильные.
А деревяшка – да, умерла.

Сперва топориком – легко и впроскользь,
Потом рубанком – до чистоты.
Сперва природе задашь вопросы,
Потом ответить сам должен ты.

* * *

Обтрепались края облаков,
Опоздавшую птичь подметая.
Кошки гадят на крышах тишком,
И прохожие пыль поднимают.
Сытый ноль в прейскуранте побед,
И вопрос над заученным текстом...
Ну а тот, кто уверен в себе,
Поперхнётся за ужином кексом.

* * *

Лезут в окна упрямо
Любопытные листья.
Смотрят на них из рамы
Остекленные лица.
Листьям на ветках тесно —
Тянут ручку дверную.
Людям неинтересно:
Плюнули – и отвернулись.

* * *

Из кустов голодные звери
Провожают глазами птиц.
Вертолёт, подлетая к цели,
Промахнувшись, грохнулся вниз.
Если первой любви поверить,
Не сорвать поцелуев на бис.
Закуси херес из Марбельи
Огурцами из Луховиц.

* * *

Снег, сползавший с сопок по ночам,
Ветер в море сдул, как с пива пену.

Сонно телевизоры урчат,
В домиках поскрипывают стены.

К выхлопу последнего такси
Город жмётся, словно шарик сдутый...
Ночью даже Магадан красив,
Если встать спиной к пединституту.

* * *

За окном хлещут ветки
Ночи жёваный ком.
За стеною соседка
Не храпит ни о ком.
Куча грязной посуды
На фамильном гербе.
И фонарь, как Иуда,
На засохшем столбе.

* * *

За окном колеблется тень от провода.
Провод оборвался ещё в прошлом году.
Каллиграфическим почерком строчки ровные
Незачем записывать в доброкачественном бреду.
Даже постоянство становится временным,
Вечность перехватываем на лету.
Пожалуйста, отойдите с линии моего зрения
И не загораживайте пустоту.

* * *

Шагами двор я измерил:
Пятнадцать на тридцать пять.
Нового нет на свете,
Сколько глаза ни пяль.

На асфальте столицы
За оградой дорог
Только мёртвая птица
И мха вырванный клочок.

Как же могло случиться?
Как попасть сюда мог?
Откуда бывшая птица?
Что за нелепый мох?

Каждый отсюда свалит,
Мхом порастут тела.
Птица шла по асфальту,
Шла-шла – и умерла.

* * *

Слаще берёзовый сок, разбавляемый спиртом.
Грустнее и веселее спирт, впитывающийся в мозжечок.
Я не помню, какого цвета помои Тибра,
Но помню, был ли по пению у меня незачёт.

Ненавижу уголь, притворяющийся алмазом,
Обожаю огонь, возбуждающийся от кислорода.
Безразличен мне бутерброд, на хлеб с маслом намазанный,
И другие невнятные явления природные.

Глупо любоваться давно прошедшими матчами
И почками, распустившимися на веника веточках.
Все маленькие дети похожи на мальчиков,
И никогда – на девочек.

Снаружи и внутри

* * *

Мне снилось: я всё проспал —
И гимн, и подъём, и зарядку,
Крутую яичницу всмятку,
Троллейбус, скачущий в парк,

Бьющее в стенку долбило,
Просвет в глазах полутьмы,
Ум мутящую мысль —
Проспал я всё, что приснилось.

И отдых проспал, и работу —
И как разбудил меня кто-то.

* * *

Если надеть очки,
Утро не станет резче.
Если допил почти,
Требуется покрепче.

Времени быстр кирдык —
Перерезает годы.
Все мы без бороды
Похожи на нас безбородых.

* * *

В три часа пополудни
Не играют отбой...
Даже зрячему трудно
Разглядеть за стеной...
Не качается лодка
В травке на берегу...
Не закуска селёдка...
Впрочем, в этом я лгу.

* * *

Я в углах наблюдал скопления биссектрис
И умножение нулей, людей напоминающих отдалённо.
Я видел, как раскрывает свой запасной шанс парашютист
И как на единственный случай надеются миллионы.
Толпы ищущих истины сбегались сами ко мне,
Я не пил токайского, не пел домбайского, не словокуплялся
в мечтах...
Ветер градины вешает над огородиками и вишнёвыми садиками...

Дождь расчёсывает облака в небесах...

* * *

День числа Пи

В поле один не воин.
Соображать трудно вдвоём.
Пять на хоккейном поле —
Значит, опять один удалён.

Но, может, найдётся кто-то,
Считающий лучше нас:
Три и четырнадцать сотых:
Много ли, мало ль, как раз?

Колоч цветок мать-и-матика...
Шуршащего мозга шум...
Круглые квадратики
Приходят Евклиду на ум.

С линейкой и транспортиром
Склоняемся над углом.
Все мы на корабле пассажиры,
Пересчитываемые козлом.

Даже учивший упорно
Ошарашен и удивлён.
Но главное не в зубрении формул.
Главное – это не быть нулём.

* * *

И даже если разрушен,
Растоптан, сломлен, сожжён,
Из тела вырвали душу,
А тело выгнали вон,
За ржавыми прутьями клетки,
Бессилье, страданье, война,
Всегда случится студентка,
Что будет в тебя влюблена.

* * *

Часы отрезали час —
Много ли было надо...
В том, что любили не нас,
Мы виноваты?

В глазах полупустых
Ветром уносятся километры.

Чьи-то стихи
Пройдут проверку не нашей смертью.

ЧЕРЕСПОЛОСИЦА (2018)

М.

*Тишиною в машинном шуме...
Громогласьем средь немоты...
Если первым из нас ты умер,
То и первый бессмертный – ты.*

*С каждым годом, с каждой утратой
Всё трудней расставаться с людьми...
Всё трудней оставаться людьми...
Добрый, светлый, меня, как брата,
Ты прости и с собой возьми.*

Всходы

* * *

Свет погашу я, и ставни прикрою, и двери запру
на засов...
Солнце, укрывшись Землёй, освещает Луны полюса...
Мне не хватает до святости только семи часов —
Мартин де Поррес святой спал в день всего три часа...

Сыплются книги из шкафа упавшего на потрясённых гостей...
Суперобложек помятых картинки не радуют взгляд...
Мне не хватает до святости только пары кистей —
Блаженный ангельский брат штукатурку стен оживлял.

Бледный, охрипший, вспотевший, уставший, прихрамывающий,
живой...
Жив, убедителен, ярок, красив, ослепителен, смел...
Мне не хватает до святости только любви одной —
Святой наш отец Доминик ничего больше и не имел.

* * *

Мгновенье нужно и шагов немного,
И голос рвёт молитвенный покой:
«Святой Отец, а я не верю в Бога!» —
Сам оробев от дерзости такой.
Никто не знал – смеяться или плакать,
Швейцарская охрана напряглась.
Но добродушно улыбнулся Папа
И произнёс: «Зато Он верит в Вас».

* * *

Костры горят, гремят подковы,

Громада рыцарей бурлит —
К Святой Земле в поход Крестовый
Войска зовёт король Луи.

Готова ль Бланка-королева
На смерть идущих созерцать?
Святые лики с барельефов
Сияют в траурных венцах.

И будет дым над Дамьеттой,
И в кровь окрасится прилив,
И по воде в сиянье света
Нас поведёт святой Луи.

Межа

* * *

В серых латах, с открытым забралом,
Озарённый рекламной Москвой,
Вдоль вокзалов, базаров и баров
На коне ехал странник чужой.

Конь дрожал, озирая проспекты,
Погружённые в жирную хмарь,
И светильники в каменных клетках
Озаряли пустые дома.

А вокруг веселилась столица
Заходясь в травестийном бреду,
И сквозь смех проступали на лицах
Содроганья попавших в беду.

Вот промчался один бесноватый,
Что торопится всюду успеть,
А вверху втихомолку с плаката
Усмехалась дешёвая смерть.

Здесь влюблённые нежною парой
Присосались друг к другу впритык,
И отчётливо по тротуару
Грязных ног проступали следы.

Лишь один паренёк безбилетный
Всё кричал: «Моё имя – никто!...»
Но в метро проползали скелеты
В тёплых куртках и лёгких пальто.

Кто дерзает смеяться сегодня?
Смеет кто притворяться живым?
Гаснет свет, и мгновенья уходят,
И дома превращаются в дым.

Без просвета, без дна, без надежды...
И слезами покрылась земля...
И погнал коня плетью проезжий
В переулок – к руинам Кремля.

* * *

Молодая, искренняя, злая,
С незнакомой резкостью в глазах
Была малолетку у сарая

За неотфильтрованный базар.
За забором веселились дяди,
Милая, кривлялась детвора,
И смешно хихикал кто-то сзади,
Что калитку надо затворять.
Дёрнулась, отпрянула, осела,
Сплюнула, закрыв заплывший глаз.
Девочка из младшей параллели
Становилась взрослой в этот час.

* * *

Три сестры

Повыщерблена кладка голых стен,
Покрыты мхом осклизлые ступени,
Заброшенных тропинок гниль и тлен,
Прокисший пруд в зеленоватой пене,
Остывшие, застывшие костры,
Стволы осин, подёрнутые пылью,
И в сумраке рыдают три сёстры —
Корделия, Регана, Гонерилья.

* * *

Даже поутру не хочется спать.
Даже корчи циркачей не смешны.
Даже вороны орут невпопад.
Даже в склепе не найти тишины.
Даже в лифте вместо двери – стена.
Даже крика страха шире зевок.
Даже в зеркале чужая спина.
И о мёртвых, как всегда – ничего.

* * *

Проснуться, не раскрывши глаз,
Заполнить памяти провалы
И позабыть – в последний раз,
Как жизнь хотел начать сначала,
И в одиночестве понять
Сокрытый смысл – не так уж мало...
Но нету тени у меня,
Когда лежу под одеялом.

* * *

От меня все ждут непонятно всего,
И, желательно, чтобы в галстук и жилетке.
Я тащусь помаленьку – из дня сего
В перспективу, не грезившуюся в малолетстве.

А хочется просто тихо сидеть,
Незаметно развязав шнурки на ботинках...
На свете так мало лысых людей,
Когда смотришь в партер из лож Мариинки...

* * *

Спектакль разыгран, как по нотам,
И счёт расписан до копейки.
Сегодня ночью гугенотам
Король прислал «варфоломейки».
(* *Идея Софьи Крашенинниковой*)

* * *

На рассвете тишина.
Листьев нет. Окно замызгано.
Блики в стёклах. Пуст фонарь.
Начинается жизнь сызнова.

Тень уходит со двора.
Почва снизу цвета жирного.
Небо ясно. Шесть утра.
За окном кого-то вырвало.

* * *

Поздно осенью

Дождь на подлость
горазд.
Листьев ржавая
гарь.
Слева, справа
грязь, мразь,
Хлад и глад,
хмарь и тварь.
Злей, обидней,
больней
Грубых градин
толчки.
А из гаджетов
на мне
Лишь часы
да очки.

* * *

Вбит в ночь
кол магаданской телевышки.
С него стекает город в темноту.
Не корчится, не мечется, не дышит,
Застывший липким студнем на лету.

А позже, когда ночь почистит зубы,
Отхаркнув сон в узоры изо льда,
В дыру пустую уползёт на убыль
И новый день, и город Магадан.

* * *

Автобус на восток и чуть на юг
Вниз-вверх по кочкам.
В салоне дым, и Роллинги поют
«Пусть кровоточит».
Хмарь сеет серым снегом за стеклом
И землю старит,
И купол тусклый с маленьким крестом
Затянут гарью.
Ларьков рекламы лезвиями лжи
Мир разрезают.
Так будет всю оставшуюся жизнь.
И до Рязани.

Васильки

* * *

Завершается ночь алым сполохом,
Лист колышет ветерка дерзновение,
Коноплянка птенчика голого
Щебетать учит песню весеннюю.
По лазури акварелью розовой
Над Москвою встаёт утро вешнее,
Изумруды трав пахнут росами,
В храме молятся кагэбэшники.

* * *

Неисчислимы количества
Монстров в кошмарах сна.
Время лепить куличики
Из собственного говна.
В споре рождается истина.
Вскоре умрёт она.

* * *

Комары – плохие звери —
Злобно в воздухе висят.
В руку жалят, в ногу целят
И в подмышку норовят.
Я их ядом, я их матом,
Кулаком по головам.
Крови надо? Крови рады?
Чтоб от крови лопнуть вам!
Только грустная картина
Снова, сызнава, опять:
Против гадов комариных
Бью по телу сам себя...

* * *

Подлейте яду в кофе!
Добавьте аромат!
Устав от философий,
Впивайте едкий яд!
Вливайте его в стопки:
Чернеет и горчит!
Том одряхлевший – в топку! —
Пускай себе чадит!
И за четвёртой кряду
Глотни на посошок!
Подсыпьте в кофе яду!!!
(И рвотный порошок).

* * *

Полоса

За стеной храпят соседи
Три часа.
Ожидается к обеду
Колбаса.
Слесарь заперся в клозетте
И нассал.
Я не в силах даже трети
Описать.

Озимые

* * *

Прикрою мир подушкой из ваты,
Но лезет в сон чужая болтовня:
Покуривая, доктор бородатый,
Рассказывает были про меня.

И хочется до нового рассказа
Покинуть в сновидении кровать,
Проснуться, отдышаться, причесаться
И смайлик на лице нарисовать.

* * *

За стеклом злой ветер немой
Пригибает кусты и давит,
Одинокий, как ля-бемоль,
Что молчит во второй октаве.
Мир вибрирует на волоске,
На деревьях внизу лица нет.
Чистовымытый стеклопакет
Глух и звуконепроницаем.
Плети веток воздух секут
Под беззвучные завыванья.
Предпоследние пять секунд
С наслаждением забываю.
Сбросить тяжесть и выйти вон,
Когда звуков на свете столько!
И во двор посыплется звон
Разлетающихся осколков.

* * *

Со сцены – визг
оголённых девиц,
Трущихся у столов.
В перечне действующих лиц
Ты – персонаж без слов.

Портьерой прикрыт претендент на трон,
Текст забывший герой...
Если не знаешь ты,
кто король,
Может,
ты сам король?

* * *

Снег на подоконнике, по окну узоры,

На столе раскрытая в клеточку тетрадь.
Дискоотека в школе, брат придёт не скоро,
Если младшеклассницы станут приставать.

Нет печали в сердце, только это свято:
С юности протянутая тоненькая нить.
Хочется вернуться в семьдесят девятый
И урок ботаники снова пропустить.

* * *

Солнце слепит окна хрущёвок,
Продираемых поуутру.
Заплатить я готов по счёту,
Вот проценты – не соберу.

Пусть кажусь откровенным я вам,
Но не знаете одного:
Я люблю притворяться пьяным
И не помнящим ничего.

А потом наступает утра
Отстоявший очередь клон.
Воздух кончился. Солнце смутно.

Встаньте прямо. Протрите окно.

* * *

Мой отец как-то спать
Лёг в гостях на балкон.
Комары до утра
Изводили его.

А наутро стрижи.
Рассекая рассвет,
Замелькали в тиши,
Закрутив карусель.

Жди ты или не жди,
Будь готов – не готов,
Прилетят стрижи
И сожрут комаров.

Из книги «СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ» (2016)

* * *

Сахарный самогон

Из сахара напиток
Забыл давным давно.
Он был пьяней, чем водка
И чем одеколон.

Варили в аппаратах
И пили от души
Малютки и старушки
И зрелые мужи.

Пришел генсек речистый,
Не близкий алкашам,
Погнал он выпивохов
Из кабаков к домам.

В квартирах коммунальных,
На кафельном полу
Лежал живой на полу-
Живом, стар на малу.

Лето в стране настало,
И сахара вагон,
Но некому готовить
Горький самогон.

Лечебницы открыты,
Законы как велят,
И самогоновары
По вырезвителям.

Генсек по граду едет —
Полней ситра налей! —
А рядом едут в «чайках»
Те, кто других трезвей.

Генсек глядит угрюмо:
«Опять в краю родном
Есть сахарная свёкла,
А где же самогон?!»

Инструктора райкома
Приметили в кустах

Последних алконавтов,
Стоящих на ногах.

Вышли они, шатаясь,
На милю разило аж —
Пятнадцатилетний пьяница
И старый опухший алкаш.

К стенам кремлёвским красным
Привёл их чей-то пинок,
Но ни один из пропойцев
Лька вязать не мог.

Генсек на мавзолее
Сидел, трезв и горяч,
А вяленькие люди
Стояли окарачь.

Гневно генсек промолвил:
«Снимем про вас «Фитиль»,
Не скажете если, бухарики,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.